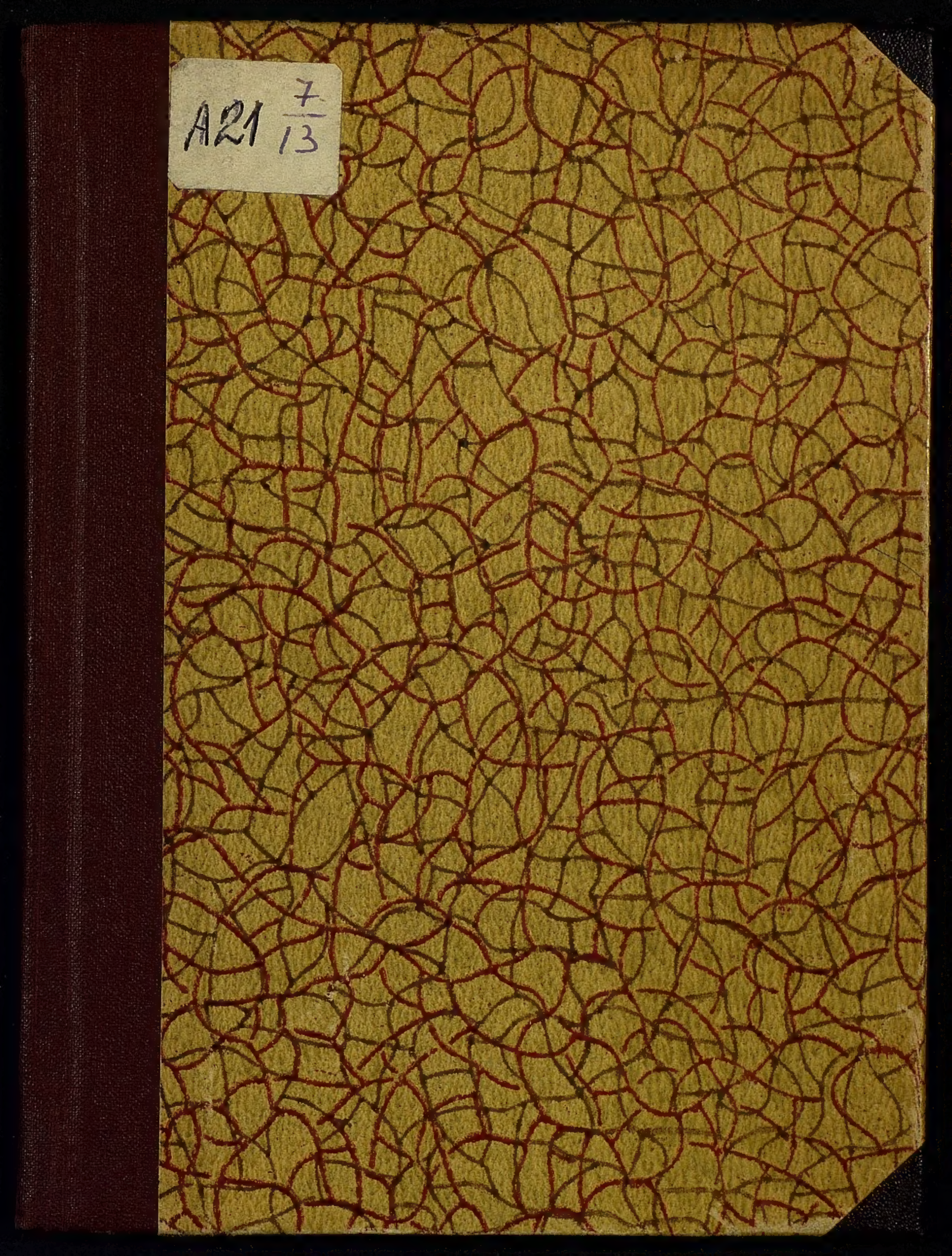
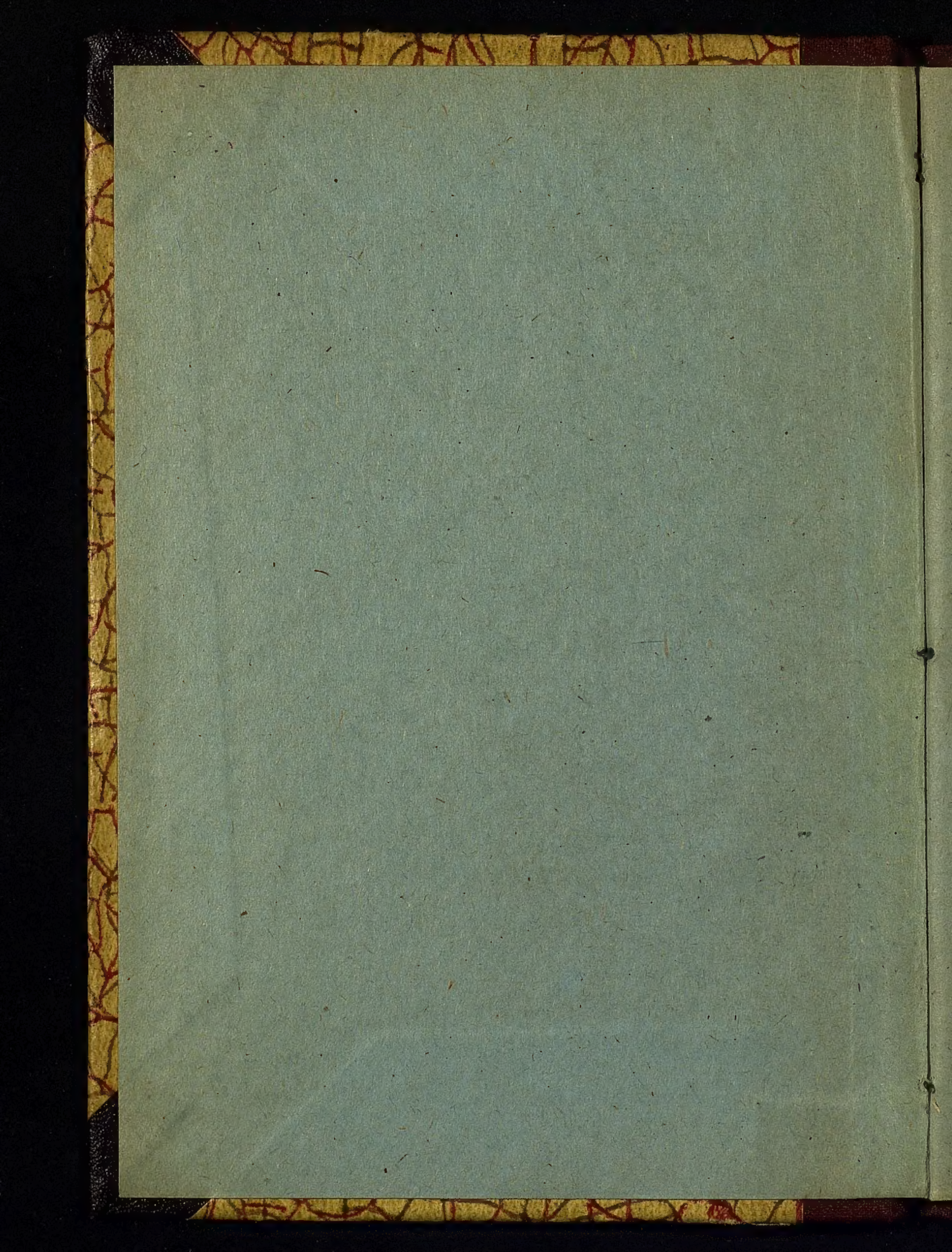
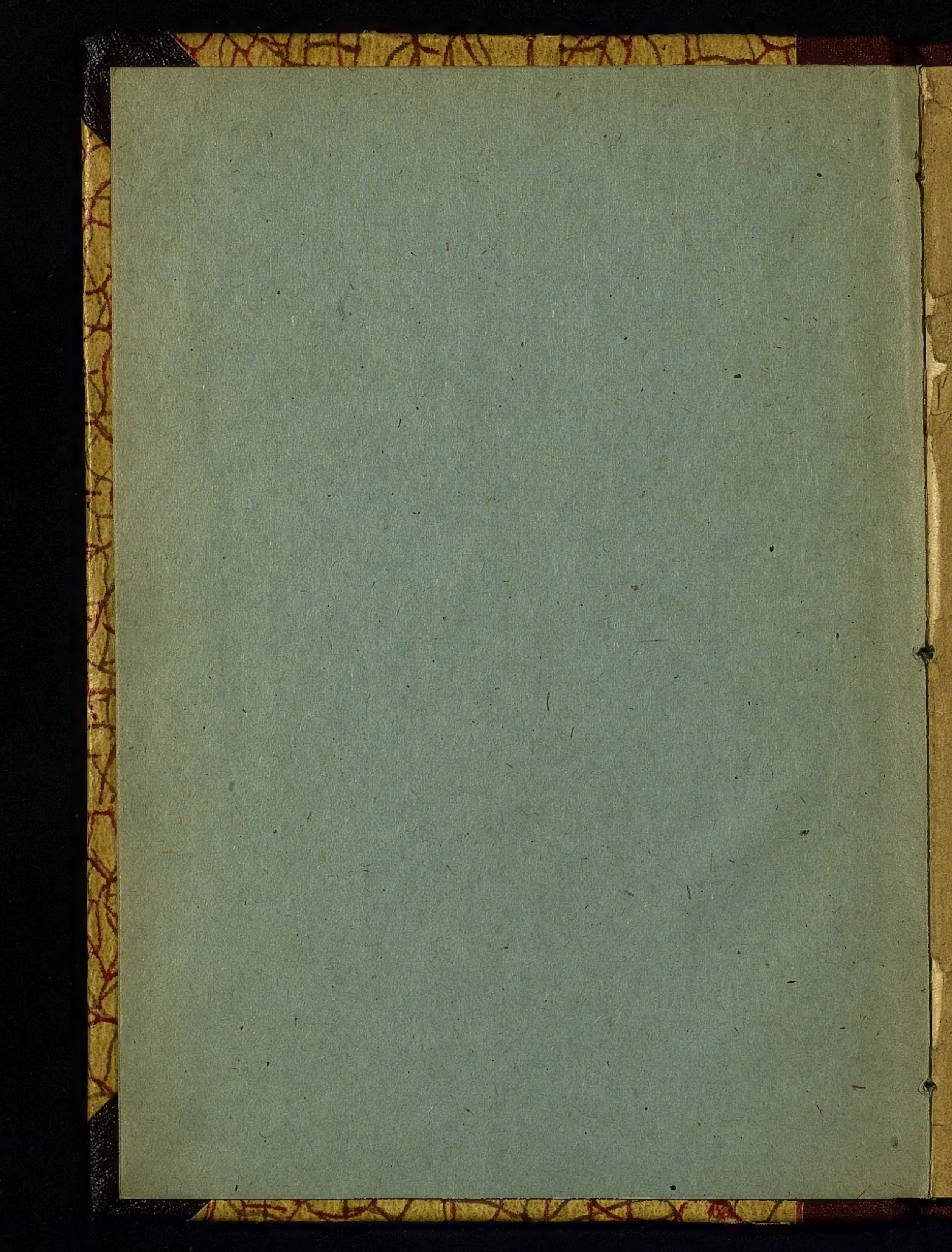

A21 7/13

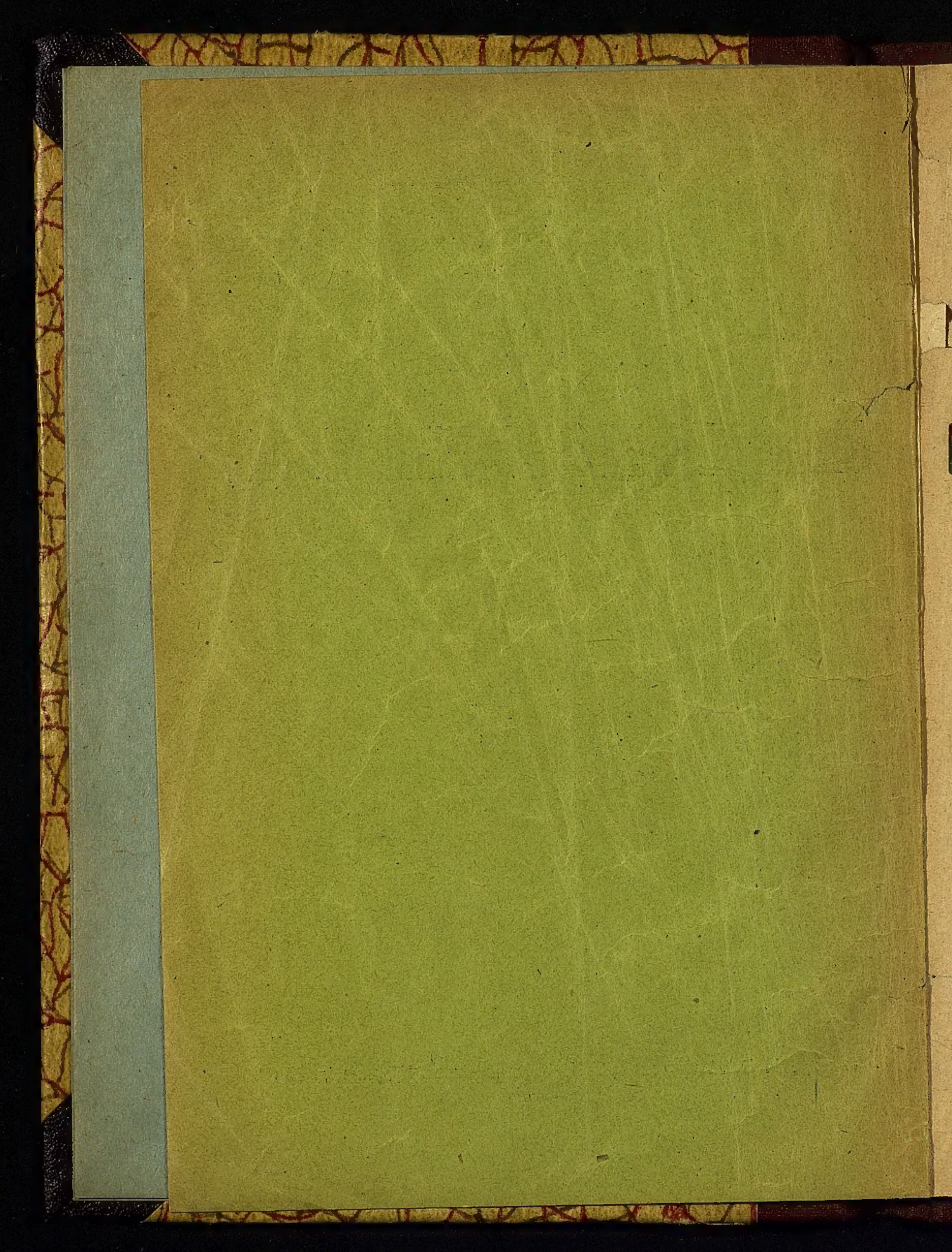

Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ.

ОБЪ ОТВѢТСТВЕННОМЪ МИНИСТЕРСТВѢ.

МОСКВА.
Типографія О. Л. Сомовой, Б. Никитская, близъ Кудрина, д. № 60.
1915.

Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ.

ОБЪ ОТВѢТСТВЕННОМЪ МИНИСТЕРСТВѢ.

МОСКВА.
Типографія **О. Л. Сомовой**, Б. Никитская, близъ Кудрина, д. № 60.
1915.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
Инвент. № 330388
193 г.

Чертковская библиотека

I.

Среди различныхъ политическихъ вопросовъ, поднятыхъ въ Думѣ въ теченіе первыхъ двухъ дней ея чрезвычайной сессіи, открывшейся 19 іюля 1915 года, одинъ привлекъ къ себѣ особое вниманіе печати и общества. Это—возбужденный фракціей прогрессистовъ вопросъ объ отвѣтственномъ министерствѣ. Какъ извѣстно, въ итогѣ преній по вопросу объ общемъ политическомъ положеніи, Думой въ засѣданіи 20 іюля была принята предложенная націоналистами, группой центра и октябристами резолюція, въ которой, между прочимъ, выражалось убѣжденіе, что „привести къ скорой побѣдѣ можетъ лишь тѣсное единеніе со всею страной правительства, пользующагося ея довѣріемъ". Къ этой формулѣ фракціей прогрессистовъ была предложена поправка, требовавшая „немедленнаго установленія отвѣтственности передъ Государственной Думой правительства, составленнаго изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ страны". Поправка эта при голосованіи была отвергнута большинствомъ, составившимся изъ правыхъ, группы центра, націоналистовъ и октябристовъ. К.-д. фракція воздержалась отъ голосованія.

Передъ голосованіемъ гр. Беннигсенъ заявилъ, что октябристы, учитывая опытъ пережитаго года войны, признаютъ принципіально необходимость отвѣтственности министерства, но не считаютъ своевременнымъ въ настоящій моментъ „вводить столь крупную ломку во всю

систему государственнаго строя“. Въ свою очередь П. Н. Милюковъ объяснилъ, что хотя фракція народной свободы боролась ранѣе и будетъ бороться впредь за осуществленіе отвѣтственности министерства, являющейся однимъ изъ пунктовъ ея партійной программы, но, признавая при данныхъ условіяхъ необходимымъ временно воздержаться отъ борьбы за партійные лозунги, она считаетъ несвоевременнымъ выдвигать теперь этотъ лозунгъ. Отъ голосованія формулы прогрессистовъ воздержалась также и с.-д. фракція, но о мотивахъ ея воздержанія въ газетныхъ отчетахъ свѣдѣній не имѣется. Въ этихъ отчетахъ нѣтъ также опредѣленныхъ указаній объ отношеніи къ упомянутой формулѣ трудовиковъ, но опубликованная въ печати ихъ собственная формула говоритъ о необходимости „сосредоточить всѣ усилія страны на созданіи исполнительной власти, отвѣтственной „передъ народными представителями, избранными на основаніи всеобщаго избирательнаго права“, и далѣе при перечисленіи предварительныхъ мѣръ, подлежащихъ осуществленію до созыва такого народнаго представительства, объ отвѣтственности министровъ не упоминаетъ.

Иными словами, трудовики, въ отличіе отъ прогрессистовъ, требовали правительства, отвѣтственнаго не передъ четвертой Думой, а предъ собраніемъ, избраннымъ путемъ всеобщаго голосованія.

Голосованіе формулы прогрессистовъ въ Государственной Думѣ и отношеніе къ этому голосованію различныхъ думскихъ фракцій вызвали въ обществѣ и печати оживленные толки, не прекращающіеся до сего времени. Въ частности, воздержаніе фракціи народной свободы отъ голосованія формулы прогрессистовъ вызвало рѣзкую критику въ широкихъ кругахъ общества. Многіе увидѣли въ этомъ поступкѣ „кадетовъ“ „отказъ“ ихъ отъ одного изъ основныхъ пунктовъ программы партіи народной сво-

боды. Какъ ни странно, но эти упреки к.-д. фракціи за ея отказъ поддержать требованіе немедленнаго образованія министерства, отвѣтственнаго передъ четвертой Думой, особенно настойчиво дѣлаются сторонниками болѣе лѣвыхъ партій, хотя, какъ мы уже видѣли, эти партіи въ Думѣ совершенно опредѣленно отмежевались отъ упомянутаго требованія и заняли позицію, существенно отличающуюся отъ позиціи фракціи прогрессистовъ.

Какъ бы то ни было, ведущіеся до сихъ поръ споры по поводу голосованія 20 іюля свидѣтельствуютъ, что вопросъ объ отвѣтственномъ министерствѣ привлекаетъ къ себѣ въ настоящее время усиленное общественное вниманіе и возбуждаетъ повышенный интересъ въ широкихъ кругахъ.

Это вполнѣ понятно и естественно. Переживаемыя событія, властно требуя организаціи всѣхъ силъ страны для отпора врагу, съ особенной яркостью и выпуклостью выдвигаютъ вопросъ объ организаціи исполнительной власти. Среди различныхъ формулъ, въ которыя облекаются исканія организаціи, обезпечивающей единеніе власти со страной („правительство національной обороны", „общественное министерство", „коалиціонное министерство", „министерство общественнаго довѣрія"), формула „отвѣтственнаго министерства" болѣе всего привлекаетъ къ себѣ какъ опредѣленностью своего содержанія, такъ и своей непосредственной связью съ конституціонной теоріей и съ программами прогрессивныхъ партій. И можно сказать болѣе. Въ симпатіяхъ широкихъ общественныхъ круговъ къ этой формулѣ сказывается, несомнѣнно, вѣрное предчувствіе той роли, которой суждено играть вопросу объ отвѣтственномъ министерствѣ въ близкомъ будущемъ. Ибо едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что пережитымъ и переживаемымъ нами опытомъ упомянутый во-

просъ быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать раньше, движется навстрѣчу своему разрѣшенію.

Но именно вслѣдствіе растущей практической важности вопроса объ отвѣтственномъ министерствѣ необходимо серьезное и вдумчивое отношеніе къ нему, которое, въ свою очередь, требуетъ тщательнаго и всесторонняго выясненія его содержанія. Ибо вопросъ этотъ гораздо сложнѣе, чѣмъ это представляется съ перваго взгляда.

II.

Прежде всего необходимо отмѣтить, что терминъ „отвѣтственность министровъ“ употребляется и въ наукѣ и въ просторѣчіи въ двухъ различныхъ значеніяхъ. Нужно различать такъ называемую *юридическую* или *судебную* и *политическую* или *парламентарную* отвѣтственность министровъ. Подъ юридической отвѣтственностью министровъ разумѣется особый порядокъ преслѣдованія ихъ за преступленія по должности, заключающійся въ томъ, что нижней палатѣ парламента предоставляется право возбудить обвиненіе противъ совершившаго преступное дѣяніе министра, при чемъ судитъ его въ такомъ случаѣ въ однихъ государствахъ верхняя палата, въ другихъ—высшее судебное учрежденіе страны, въ третьихъ — особый судъ, образуемый спеціально для этой цѣли. Исторически этотъ институтъ являлся обыкновенно переходной ступенью къ политической отвѣтственности, полное развитіе которой дѣлало примѣненіе юридической отвѣтственности практически ненужнымъ.

Право парламента предавать министровъ суду важно не столько, какъ способъ наказанія министровъ, нарушающихъ законъ или конституцію, сколько, какъ средство добиться ихъ удаленія отъ должности. Тамъ, гдѣ

достаточно неблагопріятнаго для министра парламентскаго голосованія, чтобы заставить его вытти въ отставку, упомянутое право теряетъ свое прежнее значеніе и обыкновенно выходитъ изъ употребленія.

Что касается политической отвѣтственности правительства, то она представляетъ собой такой порядокъ управленія, при которомъ министерство, назначаемое главою правительства, по общему правилу, изъ представителей парламентскаго большинства, опирается на это большинство и ставитъ свое существованіе въ зависимость отъ него, выходя въ отставку въ случаѣ выраженія ему палатой недовѣрія или вообще при расхожденіи съ палатой по вопросу болѣе или менѣе крупнаго значенія. Короче говоря, политическая отвѣтственность министровъ есть лишь другое названіе для парламентаризма.

Оба понятія отвѣтственности нерѣдко смѣшиваются, и, повидимому, въ довольно широкихъ кругахъ съ терминомъ „отвѣтственность министровъ“ связывается по преимуществу представленіе объ юридической отвѣтственности.

Такъ, по поводу отклоненія формулы прогрессистовъ приходится иногда слышать упрекъ Думѣ, что она „отказалась привлечь къ отвѣту министровъ“. Многіе, настаивающіе на необходимости отвѣтственности правительства, имѣютъ при этомъ главнымъ образомъ въ виду уголовное преслѣдованіе виновныхъ въ упущеніяхъ и злоупотребленіяхъ должностныхъ лицъ.

Но, конечно, въ Думѣ шла рѣчь объ отвѣтственности министровъ не въ этомъ смыслѣ слова. Вопросъ о юридической отвѣтственности министровъ имѣетъ, правда, для современной Россіи болѣе значенія, чѣмъ для странъ, опередившихъ насъ по пути государственнаго развитія. Но при всемъ томъ онъ не можетъ въ настоящій мо-

ментъ стоять въ центрѣ общественныхъ стремленій. Требованіе для парламента права привлекать министровъ къ уголовной отвѣтственности, съ одной стороны, встрѣтило бы на пути къ своему осуществленію не менѣе (если не болѣе) препятствій, чѣмъ требованіе политической отвѣтственности кабинета, а съ другой стороны, дало бы въ практическомъ итогѣ гораздо менѣе. Если формула „отвѣтственнаго министерства“ встрѣтила широкое сочувствіе, то главнымъ образомъ потому, что въ названномъ институтѣ видѣли не только способъ ликвидаціи грѣховъ прошлаго, но и наилучшую форму организаціи исполнительной власти для будущаго.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ предложеніи прогрессистовъ и въ думскихъ преніяхъ имѣлась прежде всего въ виду политическая отвѣтственность, имѣющая несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ юридическая, и покрывающая эту послѣднюю.

Парламентаризмъ въ соединеніи съ демократическимъ избирательнымъ правомъ представляетъ собой одну изъ наиболѣе совершенныхъ и въ частности наиболѣе желательную для нашего отечества форму государственнаго быта. Установленіе въ Россіи парламентаризма или—что то же—политической отвѣтственности министерства составляетъ одинъ изъ краеугольныхъ пунктовъ программы партіи народной свободы, вызывавшій до сихъ поръ рѣзкіе нападки справа и, въ особенности, со стороны октябристовъ. Но, какъ видно изъ приведеннаго выше заявленія фракціи октябристовъ въ думскомъ засѣданіи 20 іюля и изъ ряда другихъ указаній, событія послѣдняго времени поколебали сложившіяся въ извѣстной средѣ предубѣжденія противъ парламентарнаго порядка управленія. Принципъ парламентаризма пріобрѣтаетъ въ послѣднее время все болѣе широкую популярность, завоевывая сочувствіе даже тѣхъ круговъ, которые еще не-

давно относились къ нему отрицательно. Есть всѣ основанія думать, что наше политическое развитіе быстрыми шагами идетъ къ осуществленію этого принципа, что политически отвѣтственное министерство, какъ выразился одинъ изъ депутатовъ, „не за горами“.

Носящееся въ воздухѣ предчувствіе близости парламентаризма, несомнѣнно, было главной причиной и повышеннаго вниманія общества къ постановкѣ этого вопроса въ Думѣ и критики, вызванной поведеніемъ фракціи народной свободы. Нельзя не замѣтить при этомъ, что нѣкоторые изъ критиковъ понимали формулу прогрессистовъ не столько, какъ практическое требованіе, сколько, какъ принципіальную декларацію, и именно съ этой точки зрѣнія осуждали воздержаніе „кадетовъ“ отъ голосованія, находя, что, разъ былъ поставленъ вопросъ о принципіальномъ отношеніи къ одному изъ важнѣйшихъ пунктовъ „кадетской“ программы, к.-д. фракція обязана была признать и подтвердить программный принципъ независимо отъ условій его практическаго осуществленія въ данный моментъ.

Въ дѣйствительности, однако, дѣло обстояло совершенно иначе. Въ вопросѣ объ отвѣтственности министровъ, какъ и въ другихъ вопросахъ, поставленныхъ на обсужденіе Государственной Думы при открытіи ея чрезвычайной сессіи, рѣчь, конечно, шла не о провозглашеніи отвлеченныхъ принциповъ, а объ отысканіи практическаго выхода изъ того труднаго положенія, въ которомъ оказалась страна. И фракція прогрессистовъ, предлагая свою формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, понимала ее, несомнѣнно, не какъ теоретическую декларацію, а какъ практическій лозунгъ даннаго момента. Это съ полной ясностью было выражено и въ самомъ текстѣ формулы, требовавшей „*немедленнаго* установленія отвѣтственности министерства передъ Государственной Думой“.

Но для того, чтобы выдвинуть политическую отвѣтственность министерства, какъ практическое требованіе, подлежащее немедленному выполненію, нужно дать себѣ ясный отчетъ въ реальныхъ условіяхъ его осуществленія и имѣть соотвѣтственный этимъ условіямъ планъ проведенія его въ жизнь.

Съ этой точки зрѣнія необходимо имѣть прежде всего въ виду два условія первостепенной важности, внѣ которыхъ невозможно было бы настаивать у насъ въ настоящій моментъ на осуществленіи принципа парламентаризма безъ существеннаго ущерба для этого самаго принципа.

Парламентарное министерство должно опираться на опредѣленное парламентское большинство, отъ прочности котораго зависитъ устойчивость его существованія. Если, какъ это бываетъ при дробленіи парламента на большое число независимыхъ другъ отъ друга и не связанныхъ никакимъ взаимнымъ соглашеніемъ фракцій, парламентское большинство колеблется и измѣняется, слагаясь при различныхъ голосованіяхъ изъ различныхъ элементовъ, то хотя нельзя сказать, чтобы политическая отвѣтственность министерства была при такихъ условіяхъ совершенно неосуществима, но во всякомъ случаѣ существованіе отвѣтственныхъ министерствъ не можетъ быть устойчивымъ. При подобномъ положеніи вещей частыя смѣны кабинетовъ, сопровождаемыя длительными правительственными кризисами, представляютъ собой обычное явленіе. Между паденіемъ одного кабинета и образованіемъ другого проходитъ иногда довольно значительный промежутокъ времени, въ теченіе котораго происходятъ сложные переговоры между главой государства и вождями партій. Въ условіяхъ мирнаго времени вытекающія отсюда неудобства не могутъ имѣть рѣшающаго значенія; но при условіяхъ, подобныхъ пережи-

ваемымъ нами, они представляли бы большую опасность какъ для общихъ интересовъ государства, такъ и для принципа парламентаризма. Сейчасъ нельзя настаивать на образованіи отвѣтственнаго министерства, не будучи заранѣе увѣреннымъ въ наличности обезпечивающаго ему устойчивое существованіе прочнаго большинства. А такое большинство, при существующемъ партійномъ дѣленіи Думы, могло бы быть создано только однимъ путемъ,— путемъ коалиціи партій, основанной на опредѣленномъ соглашеніи по главнымъ вопросамъ текущей государственной жизни. До образованія такого коалиціоннаго большинства требованіе отвѣтственнаго министерства не могло бы вообще имѣть практическаго значенія.

Но это условіе не единственное. Рядомъ съ нимъ стоитъ второе, не менѣе важное. Вопросъ о введеніи парламентаризма въ Россіи нельзя разсматривать внѣ связи съ дѣйствующей избирательной системой и опредѣляемымъ ею составомъ парламента. Тамъ, гдѣ существуетъ демократическое избирательное право, довѣріе парламентскаго большинства означаетъ, по общему правилу, и довѣріе страны. У насъ при Положеніи о выборахъ 3-го іюня условія—совершенно иныя. Дума по своему составу не является отраженіемъ страны, и потому и отвѣтственность министерства передъ Думой сама по себѣ еще не означаетъ отвѣтственности его передъ страной. Не всякое думское большинство было бы способно выдѣлить изъ себя кабинетъ, пользующійся довѣріемъ страны. Если бы, напримѣръ, требованіе отвѣтственнаго министерства осуществилось на практикѣ въ формѣ правооктябристскаго министерства, это, вѣроятно, жестоко обмануло бы ожиданія тѣхъ, кто ищетъ сейчасъ въ парламентаризмѣ выхода изъ труднаго положенія, въ которомъ находится наше отечество.

Нельзя, конечно, отрицать, что и въ парламентѣ, из-

бранномъ неправильнымъ и несовершеннымъ путемъ, въ рѣшительный моментъ государственной жизни можетъ образоваться большинство, готовое и способное твердо и послѣдовательно итти по пути, указываемому общественнымъ мнѣніемъ страны. Но выступать съ требованіемъ немедленнаго образованія парламентарнаго министерства можно было бы, очевидно, лишь послѣ того, какъ такое парламентское большинство перешло въ область дѣйствительности, сдѣлалось совершившимся фактомъ.

Образованіе въ Думѣ коалиціоннаго большинства съ политической программой, соотвѣтствующей настроенію широкихъ слоевъ населенія,—вотъ важнѣйшее и основное предварительное условіе, необходимое для того, чтобы Россія могла перейти въ настоящее время къ парламентаризму.

Было ли налицо это условіе при голосованіи формулы прогрессистовъ? На это приходится отвѣтить отрицательно. 19—20 іюля и въ послѣдующіе дни почти до самаго конца сессіи положеніе въ Государственной Думѣ по отношенію къ парламентскому большинству было въ общемъ то же, что и до начала войны, а именно, въ Думѣ не было устойчиваго большинства опредѣленнаго состава; большинство въ Думѣ было то лѣвооктябристскимъ, то правооктябристскимъ, смотря по вопросамъ, которые приходилось разрѣшать Думѣ. Въ частности измѣнчивость и неустойчивость думскаго большинства обнаружились чрезвычайно наглядно въ томъ самомъ засѣданіи Думы, въ которомъ разрѣшался вопросъ о своевременности требованія парламентаризма. При голосованіи предложенной націоналистами и октябристами формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, поправки к.-д. фракціи и національныхъ группъ, касавшіяся національнаго равноправія, были отклонены правооктябристскимъ большинствомъ противъ оппозиціи, поправка прогресси-

стовъ отклонена тѣмъ же большинствомъ при воздержаніи отъ голосованія фракцій к.-д. и с.-д., и основная формула принята противъ с.-д. и трудовиковъ.

При такихъ условіяхъ требованіе отвѣтственнаго министерства не могло имѣть конкретнаго содержанія. Отвѣтственнное министерство значитъ министерство, солидарное въ своихъ политическихъ взглядахъ съ парламентскимъ большинствомъ. Но какъ могло быть выполнено это требованіе, если въ Думѣ въ теченіе одного засѣданія по вопросамъ крупнѣйшаго политическаго значенія составлялось три различныхъ большинства?

III.

Указанныя выше взаимныя отношенія думскихъ фракцій къ концу сессіи существенно измѣнились. Незадолго до перерыва занятій Думы въ ней образовался такъ называемый „лѣво-центровый“ или „прогрессивный“ блокъ, въ который вошли шесть думскихъ фракцій (к.-д., прогрессисты, лѣвые октябристы, октябристы-земцы, группа центра и отдѣлившіеся отъ націоналистической фракціи „прогрессивные націоналисты“), включающія въ себя въ общей сложности 315 депутатовъ, то-есть подавляющее большинство Думы. Къ этому соглашенію примкнули также три группы Государственнаго Совѣта (академическая, или лѣвая, безпартійная и группа центра).

Въ основу соглашенія положена общая программа, включающая въ себя цѣлый рядъ существенныхъ требованій политическаго момента, выдвинувшихся въ послѣднее время въ общественномъ сознаніи.

Исходя изъ того положенія, что привести къ побѣдѣ можетъ только „сильная, твердая и дѣятельная власть“, „опирающаяся на народное довѣріе , программа вновь образовавшагося блока указываетъ, какъ на необходимыя

условія установленія такихъ отношеній между властью и страной, созданіе объединеннаго кабинета изъ лицъ, пользующихся общественнымъ довѣріемъ, рѣшительное измѣненіе внутренней политики съ соотвѣтствующимъ обновленіемъ состава мѣстной администраціи, уничтоженіе административнаго произвола, обезпеченіе внутренняго мира и устраненіе классовой и національной розни. Далѣе программа содержитъ рядъ отдѣльныхъ конкретныхъ мѣръ, направленныхъ къ огражденію внутренняго мира, а именно: амнистію по дѣламъ религіознымъ и политическимъ, не носящимъ общеуголовнаго характера, смягченіе участи всѣхъ другихъ категорій лицъ, осужденныхъ за религіозныя и политическія преступленія, не включая сюда дѣлъ о шпіонствѣ и измѣнѣ, дѣйствительное осуществленіе вѣротерпимости, внесеніе законопроекта объ автономіи Польши и отмѣну правоограниченій поляковъ, постепенное осуществленіе равноправія евреевъ, примирительные шаги въ финляндскомъ вопросѣ, возстановленіе малорусской печати, возстановленіе рабочей печати и профессіональныхъ союзовъ, прекращеніе преслѣдованій представителей рабочихъ учрежденій по подозрѣнію въ принадлежности къ нелегализованнымъ партіямъ и нѣкоторыя другія мѣры аналогичнаго характера.

Къ этимъ указаніямъ присоединена обширная программа законодательныхъ работъ, направленныхъ къ той внутренней организаціи страны, которая на-ряду съ мѣрами военно-техническаго характера признается блокомъ необходимой для достиженія побѣды.

Сюда въ частности отнесены: уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими классами, введеніе волостного земства, пересмотръ земскаго и городового положеній, введеніе земскихъ учрежденій на окраинахъ, урегулированіе юридическаго положенія земскихъ и городскихъ съѣздовъ и союзовъ, изданіе законовъ о кооперативахъ и объ от-

дыхѣ торговыхъ служащихъ, улучшеніе матеріальнаго положенія почтово-телеграфныхъ служащихъ, утвержденіе навсегда трезвости, урегулированіе ревизій.

Образованіе парламентской коалиціи съ вышеприведенной программой, идущей навстрѣчу пожеланіямъ страны, несомнѣнно, измѣнило внутреннія условія думской дѣятельности въ смыслѣ благопріятномъ для образованія отвѣтственнаго министра.

Но, съ другой стороны, самая программа блока требуетъ не отвѣтственнаго министерства, а министерства, опирающагося на народное довѣріе. То же самое требованіе выставили въ своихъ резолюціяхъ общественныя организаціи, высказавшіяся какъ во время сессіи Думы, такъ и послѣ ея закрытія, въ частности, московская городская дума, всероссійскіе земскій и городской съѣзды *) и примкнувшія къ нимъ многочисленныя земства и городскія общества, московское биржевое общество, собраніе выборщиковъ для избранія членовъ Государственнаго Совѣта отъ торговли и промышленности и т. д.

Можно ли принять такую формулировку желательной организаціи исполнительной власти или, напротивъ, въ виду образованія блока слѣдуетъ замѣнить ее требованіемъ отвѣтственнаго министерства?

Чтобы отвѣтить правильно на этотъ вопросъ, нужно прежде всего устранить одно довольно широко распространенное недоразумѣніе, слѣды котораго можно замѣтить и въ отвергнутой Думой формулѣ прогрессистовъ.

А именно, многіе какъ среди сторонниковъ, такъ и среди противниковъ парламентаризма, смотрятъ на введеніе его, какъ на реформу, требующую для своего осу-

*) Меньшинство общегородского съѣзда требовало „коалиціоннаго отвѣтственнаго министерства“.

ществленія извѣстнаго законодательнаго акта. Въ дѣйствительности, однако, парламентаризмъ въ большинствѣ парламентарныхъ странъ не установленъ закономъ, а выросъ самъ собой изъ жизни и утвердился силою обычая.

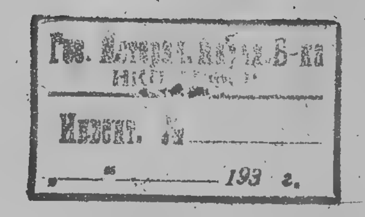
Такимъ путемъ онъ могъ бы возникнуть и у насъ. Въ частности, есть полное основаніе думать, что министерство общественнаго довѣрія, если бы оно осуществилось, явилось бы началомъ проведенія въ нашей жизни принципа политической отвѣтственности министерства. Если бы оно даже не объявило себя формально отвѣтственнымъ передъ Думой, оно, несомнѣнно, стремилось бы, согласно формулѣ общеземскаго съѣзда, быть „въ единеніи“ съ Думой, то-есть дѣйствовать фактически, какъ отвѣтственное министерство.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя, однако, скрывать отъ себя, что полное и послѣдовательное осуществленіе началъ парламентаризма едва ли было бы возможно у насъ въ переживаемый моментъ. Ему препятствовали бы, съ одной стороны, условія военнаго времени, видоизмѣняющія обычное дѣйствіе парламентарнаго порядка даже въ парламентарныхъ странахъ Западной Европы, съ другой стороны, обусловленное нашей избирательной системой несоотвѣтствіе между соотношеніемъ силъ въ Думѣ и въ странѣ, которое при извѣстныхъ условіяхъ не могло бы не ослаблять зависимости министерства отъ парламента.

Въ крупную ошибку впадаютъ тѣ, кто противопоставляетъ формулѣ министерства общественнаго довѣрія формулу отвѣтственнаго министерства, какъ требованіе болѣе радикальное или болѣе демократическое. Самое противоположеніе обѣихъ формулъ неправильно. Политическая отвѣтственность министерства, или парламентаризма въ своей основной сущности сводится именно къ

такому порядку, при которомъ правительство въ своемъ существованіи опирается на довѣріе страны. Парламентъ играетъ роль лишь посредствующаго органа, черезъ который выражается народное довѣріе правительству. Указаніе на этотъ органъ вноситъ, разумѣется, въ формулу, требующую обновленія правительства, большую точность и опредѣленность. Но въ этой опредѣленности есть при настоящихъ условіяхъ нашей жизни и отрицательная сторона. Провозгласить сейчасъ принципъ отвѣтственнаго передъ Думой министерства значитъ къ требованію министерства, опирающагося на довѣріе страны, прибавить формальное признаніе, что органомъ, выражающимъ это довѣріе, является Дума, и притомъ независимо отъ того, какъ сложатся въ ней взаимныя отношенія партій, будетъ ли въ ней существовать большинство равняющееся по странѣ, или нѣтъ. Такое признаніе, не вызываемое безусловной политической необходимостью, могло бы при извѣстныхъ условіяхъ встать въ противорѣчіе съ сущностью тѣхъ самыхъ общественныхъ требованій, во имя которыхъ оно выдвигается. Конечно, формальное провозглашеніе и утвержденіе столь важнаго принципа, какъ отвѣтственность министерства, имѣетъ, само по себѣ, такую высокую цѣнность, ради которой можно при извѣстныхъ условіяхъ пойти на жертвы и примириться съ временными несовершенствами осуществленія этого принципа въ дѣйствительности. Но это положеніе можетъ получить полную силу лишь въ обстановкѣ мирнаго времени. Въ переживаемый же нами моментъ, когда всѣ политическія цѣли должны быть подчинены одной высшей цѣли—достиженію побѣды, важно нестолько формальное провозглашеніе отвѣтственности министерства, сколько фактическое проведеніе въ жизнь того, что составляетъ смыслъ и сущность этого института, а смыслъ и сущность его заключаются въ томъ, чтобы правитель-

ство опиралось на общественное мнѣніе и согласовалось съ нимъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Сознаніе этого обстоятельства, повидимому, и дало, въ концѣ концовъ, въ общественныхъ заявленіяхъ перевѣсъ формулѣ довѣрія страны надъ формулой отвѣтственности передъ Думой.

Ц. 20 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЯ:

ПЕТРОГРАДЪ — Фракція Народной Свободы,
Тверская ул., 29, кв. 3.

МОСКВА—Книжный складъ „Народное Право“,
Моховая ул., 14.

